

Языки пламени замерли, перестав метаться, словно нарисованные на холсте. Но стоило подойти ближе, как лицо обдавало удушливым жаром, способным до мяса обуглить кожу.

Стена уже давно превратилась в сплошную завесу огня, из которой медленно соткался силуэт. Тонкая девичья фигура, скрытая пляшущими искрами, казалась зыбким, неверным призраком.

Дева-змея.

Целую тысячу лет она оставалась здесь, запертая в одном мгновении, и так и не повзрослела.

Стоило ей вскинуть взгляд сквозь стену огня, как Су Цзюгуя сдавило поперек горла, будто невидимые тиски сомкнулись на его шее. Ноги оторвались от земли; неведомая сила вздернула его вверх, лишая малейшей возможности сделать вдох.

Он сознательно злил Деву-змею, заставляя явиться и забрать его жизнь. Что же, своего он добился — и теперь расплачивался за это.

Перед глазами Су Цзюгуя поплыли темные круги.

Раздался тихий, зловеющий щелчок — еще одно усилие со стороны Девы-змеи, и его шейные позвонки разлетятся в крошево.

Окутанная пламенем Дева-змея за долгие века почти утратила человеческий облик. В ее разуме клочкотала первобытная жажда крови; она жаждала лишь одного — вымести прочь любого незваного гостя, посмевшего осквернить ее сон.

Она презирала демонов, ненавидела людей и любила только Хо Цин.

— Дева-змея! — позвал кто-то.

Голос показался ей смутно знакомым, но она не смогла вспомнить, чей он.

— Дева-змея!

Внезапно чьи-то руки обвили ее. Застывшие лепестки пламени по-прежнему дышали испепеляющим жаром, но этот человек без раздумий бросился в огонь, прижимая девичье тело к себе.

Дева-змея изумленно распахнула глаза, ошеломленная этим объятием.

Смертная плоть уязвима для огня. Хо Цин, должно быть, испытывала адскую муку — пламя

уже обуглило ее одежду, впиваясь в кожу и покрывая ее страшными ожогами. И все же она не разомкнула рук, цепляясь за Деву-змею с отчаянным упрямством.

Она без конца повторяла ее имя, будто готова была звать ее целую вечность.

— Это я, Хо Цин, — шептала целительница. Она пыталась увлечь Деву-змею за собой, спасти из огненного пекла, но та стояла не шевелясь, словно вросший в землю каменный идол. И Хо Цин осталась с ней.

— Сестрица?.. — Дева-змея растерянno моргнула.

Стоило этому слову сорваться с ее губ, как невидимая петля на шее Су Цзюгуя лопнула. Он с глухим стуком рухнул на землю и согнулся пополам, судорожно хватая ртом воздух и прижимая руку к груди.

В горле немилосердно жгло, но, не обращая внимания на раздирающую боль, Су Цзюгуй поднял голову, сиюсь разглядеть сквозь пелену слез две фигуры, застывшие в объятиях посреди бушующего пламени.

— Да, — разрыдалась Хо Цин, для которой это простое обращение стало драгоценным даром после долгих веков безмолвия. — Это я, твоя сестрица.

— Нет, ты не она, — покачала головой Дева-змея, упрямо насупившись. — Моя сестрица носит синее платье.

На Хо Цин же были черные траурные одежды — наряд, приличествующий лишь мертвецам.

Слова, которые Хо Цин копила в душе веками, разом испарились.

Дева-змея заглянула ей в лицо и тихо спросила:

— Ты ведь не видела мою сестрицу? Она любит синие платья и ростом точь-в-точь как ты.

Тонкие пальцы Девы-змеи очертили в воздухе контур фигуры Хо Цин. Эту фразу она твердила бесчисленное множество раз — шептала перед смертью, повторяла в кошмарах угасающего разума на протяжении тысячи лет.

«Ты не видела мою сестрицу?»

«Она носит синее платье...»

«Ты не видела мою сестрицу? Она...»

Хо Цин беззвучно зарыдала. Дрожащими руками она приподняла рукав, обнажая запястье, обмотанное потемневшим от времени лубком. Сквозь ткань проступали свежие бурые пятна. Все эти годы она поила Деву-змею собственной кровью, не позволяя затянуться старым порезам.

День за днем она подносила чашу со своей кровью к губам безумного чудовища. Люди твердили, что заигрывание с нечистью не доведет до добра, и пророчили ей скорую гибель.

Что же, если это и была расплата, то она наконец настигла ее.

Дева-змея уставилась на кровоточащее запястье. В глазах ее отразилось глубокое, детское недоумение, словно перед ней лежала не рана, а неразрешимая загадка.

Но стоило ей взглянуться пристальнее, как по бледным щекам покатились крупные слезы.

Пелена слез застилала взор. Она порывисто схватила Хо Цин за руку, но тут же ослабила хватку, боясь причинить боль своей названной сестре.

Тысячу лет Хо Цин грезилась об этой встрече, вынашивая в сердце слова, которые должна была произнести. Но сейчас, когда этот миг настал, длинная речь оказалась ненужной. Вся правда уместилась в три коротких слова:

— Я мертва, сестрица.

Дева-змея застыла. В тот же миг небеса с грохотом разверзлись, и хлынул ледяной ливень. Набрякшие тучи, сотканные из вековой злобы и обид усопших, поплыли над головами, являя лики сотен плачущих призраков.

Потоки воды обрушились на землю, мгновенно гася яростный пожар.

Силы покинули Деву-змею, и она начала медленно оседать на землю. Хо Цин опустилась перед ней на колени, бережно обнимая ее за плечи и заглядывая в лицо. Юная дева ничуть не изменилась с их последней встречи: те же ясные миндалевидные глаза, хранившие кроткую, детскую полуулыбку.

По лицу Хо Цин струилась вода — то ли холодный дождь, то ли горькие слезы.

— Меня не стало, — тихо выдохнула она. — Меня не стало очень, очень давно.

Правда ранила сильнее ножа, но скрыть ее было нельзя. Деве-змее нужно было очнуться от затянувшегося кошмара.

— Я... — Дева-змея попыталась возразить, но слова застряли в горле. Нахлынувшая обида, копившаяся веками, сдавила грудь удушливым комом, лишая дара речи.

— Я искала тебя... повсюду искала, — прерывистым шепотом заговорила она, давясь слезами.
— Прости меня... пожалуйста, прости.

Хо Цин нежно коснулась ладонью ее щеки.

— Знаю, милая. Я тоже тебя искала.

Она бережно вложила в холодную ладонь Девы-змеи старинную нефритовую подвеску. Заметив ее растерянный взгляд, Хо Цин сама надела шнурок ей на шею.

— Теперь я буду рядом. Что бы ни ждало нас впереди — новые сны или холодный туман на мосту Найхэ, — мы пройдем этот путь вместе.

Дева-змея опустила взгляд на тускло поблескивающий нефрит. Она так долго мечтала вернуть эту безделушку, но сейчас поняла, что единственным ее сокровищем была сама Хо Цин.

— Дева-змея, — нежно позвала Хо Цин. — Пора положить этому конец. Отпусти свой гнев. В Городе между Облаками пролилось уже слишком много крови.

Дева-змея медленно подняла голову.

— Прости... я не могу... не могу сдержать его.

Не может сдержать? Что это значило?

— Тот даос... он бросил заклятие, — пролепетала она с виноватым видом, точь-в-точь как напроказившее дитя. — Демон внутри меня жаждет его смерти. Я бессильна остановить его.

Хо Цин похолодела. Су Цзюгуй же вмиг все осознал.

Дева-змея и Змея кошмаров не были единым целым. Тварь, жаждущая его плоти, подчинялась иным законам. Цзи Юаньчу бросил Талисман Великой Пустоты в воды Реки Небесной Воды, намертво связав судьбу Змеи кошмаров и Су Цзюгуя. Демон не мог успокоиться, пока не уничтожит жертву.

Раскаты грома сотрясали землю с новой силой. Огромный кусок неба, затянутый свинцовыми тучами, с треском отвалился и рухнул вниз, словно в древнем мифе о богине Нюйве, чинившей небесный свод. На месте падения зияла бездонная черная пустота — мир вокруг неумолимо рушился.

Теряя контроль над пространством, Змея кошмаров бросила все свои силы на то, чтобы прикончить Су Цзюгую.

Су Цзюгуй оставался безразличным. Разрушение сна Девы-змеи не принесло спасения.

— Демон заставит тебя пережить твой самый страшный кошмар, — виновато прошептала она, пряча взгляд.

Самый страшный кошмар? Выходит, все, что он видел до этого, было лишь легкой прелюдией.

Посмотрев на Деву-змею, он спросил:

— Сможешь защитить Хо Цин?

Ему не под силу было спасти двоих; спастись бы самому.

Дева-змея на миг растерялась, но тут же решительно закивала:

— Больше я ее не потеряю.

Каждому человеку хоть раз снилось, будто он повелевает вселенной. Будто он — Нюйва, создающая людей из глины, или Куафу, преследующий солнце до последнего вздоха, или Хоуи, безжалостно сбивающий стрелами лишние светила с небосвода.

В тайных помыслах смертные грезят о власти над стихиями, находя утешение в зыбких грезах. Но Змее кошмаров не нужно было грезить.

Ей эта власть принадлежала по правосудию сна. Внутри иллюзорного мира она была и творцом, и разрушителем.

По ее воле вздымались хребты и иссыхали бурные реки. Сама реальность гнулась под тяжестью ее мысли.

Лишь теперь Су Цзюгуй до конца осознал, что значит гнев древнего чудовища.

Зрелище поражало воображение: крошечный дворик на глазах рассыпался пылью, земля под

ногами заходила ходуном, покрываясь глубокими трещинами, из которых рвалось нечто темное и могучее.

Дева-змея крепко прижала к себе Хо Цин — удержать целительницу было пределом ее слабеющих сил.

Земля уходила из-под ног. Су Цзюгуй едва успел ухватиться за край расколовшейся плиты, повиснув над зияющей бездной. Но падения не случилось — вместо этого из недр с грохотом вырвался исполинский пик, стремительно растущий ввысь, точно бамбуковый побег после весеннего ливня.

В мгновение ока бескрайние горные хребты заслонили горизонт, в небесах закружились крылатые кони, а у подножия зашумели яростные волны. Су Цзюгуй очутился на самой вершине скалы. Развернутые небеса сомкнулись, поглотив жуткие лики мертвецов и вернув выси привычную ясность.

Из пустоты, послушные воле кошмара, соткались величественные чертоги. Сотни тысяч кирпичей и черепиц слетелись со всех сторон, укладываясь в безупречную кладку. Храм за храмом, Зал Кажущейся Пустоты и Зал Созерцания Величия — вся былая слава выросла прямо посреди облаков.

Су Цзюгуй больше не был в хижине Девы-змеи.

Он стоял на Горе Великой Чистоты.

Овеянная благодатью обитель бессмертных для него давно превратилась в адские чертоги.

«Она призовет твой худший кошмар, чтобы покончить с тобой», — эхом отзывались в мыслях слова Девы-змеи.

С сухим лязгом тяжелые железные цепи обвили запястья и лодыжки Лу Юньцзи. Четыре конца этих оков держали его старшие братья. Мощь заклинателей Горы Великой Чистоты была безгранична; даже великому бессмертному мастеру не под силу было разорвать эти путы.

Железо врезалось в плоть, наваливаясь многопудовым грузом, заставляя его опуститься на одно колено.

Вершина Горы Великой Чистоты. День его казни.

Однажды он уже погиб под ударами карающих молний, и Змея кошмаров не поленилась воссоздать ту казнь во всех деталях. Су Цзюгуй страстно желал выжить, но стоило иллюзии завладеть его разумом, как былая апатия и смирение перед роком вновь сковали его волю.

Сквозь звон в ушах прорывались крики угасающей битвы. Лу Юньцзи стоял по колено в крови и телах павших. Из его разорванной груди толчками изливалась жизнь — тогда, в реальности, он и без молний едва ли протянул бы лишний час.

Семь сотен оборванных жизней праведных заклинателей, семь сотен неупокоенных душ. Вся эта чудовищная гора трупов тяжким бременем легла на его плечи.

Неудивительно, что тогда он принял казнь без единого слова протеста. За ним не было правды.

Окружившие его собраты не походили на хладнокровных палачей — на их лицах читалась глубокая, искренняя скорбь.

Старший брат Пуюнь, которому доверили вершить правосудие, смотрел на осужденного со смесью боли и отчаяния.

— Юньцзи, одумайся, — хрипло выдохнул он. — Еще не поздно остановиться.

Лу Юньцзи не ответил. На его лице не отразилось ни единой эмоции, лишь едва заметное покачивание головы выдало отказ.

— Неужели ты готов отдать жизнь ради этого демона? — спросил Пуюнь.

— Такова моя воля, — тихо проронил он.

Смерть была его осознанным выбором.

Слова утратили вес. Поняв это, четверо мастеров закрыли глаза и затаили заупокойную молитву. Священный распев эхом покотился над облаками.

Хо Цин, укрытая защитным барьером Девы-змеи, за свою долгую жизнь навидалась чужих кошмаров. Она полагала, что ничто в поднебесной уже не способно ее поразить, однако величие и ужас происходящего на Террасе Казни Бессмертных заставили ее замереть от оторопи. Су Цзюгуй не делал попыток спастись. Он смирился с участью, безропотно ожидая гибели.

Чтение сутр становилось все громче. Небо над головой окончательно почернело, и ослепительная вспышка расколола высь надвое.

Гром хлынул лавиной. Великая кара Небесного Суда, от которой Лу Юньцзи не сумел уйти в прошлой жизни, неумолимо настигала его и теперь.

Белое пламя молнии выхватило из полумрака фигуру обреченного. Этот удар должен был испепелить последнюю искру его души, исправив ошибку прошлого и завершив начатое тысячу лет назад.

Хо Цин бросилась вперед, надеясь помешать неизбежному, но Дева-змея крепко удержала ее за плечо, увлекая назад, подальше от бушующей бури.

— Пусти! — отчаянно закричала целительница.

Но ее смертные ноги словно вросли в землю. Мощь иллюзии была слишком велика — хрупкой смертной не под силу было тягаться с божественной карой. Ей оставалось лишь в ужасе смотреть на приближающуюся смерть.

С небес, разрывая тучи, ринулся исполинский огненный смерч. Небесный гром, подобно яростному зверю, устремился к распятой на скале жертве, сметая любые преграды на своем пути.

Ударная волна отбросила Хо Цин назад. Ветер, поднятый падением молнии, сек лицо, заставляя зажмуриться и отвернуться.

Однако оглушительного взрыва не последовало. Открыв глаза, Хо Цин увидела перед собой статного мужчину в белоснежных одеждах. Серебряные волосы небрежно рассыпались по его плечам, а весь его облик дышал высокомерием праздного повесы.

Но сила, исходившая от его фигуры, заставила бы склониться даже владык демонического мира. Небрежным движением он протянул руку навстречу ревущей молнии. Исполинский разряд, точно послушный зверь, втянулся в его ладонь, закручиваясь в яростный искрящийся вихрь.

Сдерживать ярость Небесного Суда было нелегко — кожа на его ладони лопалась и обугливалась, и до Хо Цин донесся отчетливый запах паленой плоти.

Повелевать молниями в поднебесной могли лишь истинные драконы.

Перед ними стоял Чжубай.

Дракон покачнулся, делая шаг назад под напором бешеной энергии. Каменная плита под его сапогом разлетелась в крошево.

— Жизнь надоела? — процедил Чжубай сквозь зубы. В его голосе сквозила ярость пополам с отчаянием. Он надеялся, что бывший наставник держит все под контролем, а тот бездумно подставился под удар.

Не явись он вовремя — и от Су Цзюгуя не осталось бы даже горстки пепла.

Су Цзюгуй посмотрел на него и слабо улыбнулся.

— Я знал, что ты придешь.

Он слишком хорошо помнил свои слабости. Змея кошмаров извлекала наружу самые темные тайны человеческого сердца, но худшим моментом в жизни Су Цзюгуя был вовсе не призрачный лекарь из сиротского детства и не первые годы ученичества на Горе Великой Чистоты. Его личным адом стал миг, когда на пороге бессмертия его настиг карающий гнев небес.

Смертный час.

Он пошел на безумный шаг, поставив на кон собственную жизнь, чтобы проверить, хватит ли у его своенравного ученика духу до конца досмотреть его гибель.

И он выиграл эту партию. Чжубай пришел.

<http://bllate.org/book/18298/1755158>